

А. СОКОЛОВ

Отрывок из романа "ТЫ".

ПЛАЧ НИНЫ ТРЕФАНОВОЙ, ПОЛЮБОВНИЦЫ ПОЭТА ПЕТРА.

Петька прятался у актера детского театра Виталия. Ну, прятался, это громко сказано. Просто решил у него грозу переждать. Надо было узнать, что вчера точно произошло. И я заглянул к ним по пути в универ. Петька, нахохлившись, сидел на кухне. Виталий брился, у него через два часа репетиция.

- Петюн! Рассказывай! А то некогда...

Петька хмуро поглядел на меня.

- Без водки слова не скажу.

- Так в чем проблема? Водки нет?

- Виталия жду. Неудобно без него.

Виталий вышел, еще мрачней Петьки. Он достал бутылку, начал наливать в рюмки.

- Я не буду. У меня зачет сейчас.

- Ну и что. А у меня репетиция. Какая разница?

- Понимаешь, Виталий, есть разница. Ты на сцене, и твой режиссер сидит в пятом ряду. А я сейчас сяду прямо напротив профессора, и, дыша ему в лицо, буду с блеском анализировать письма Энгельса об историческом материализме.

- Хм. С блеском. Письма Энгельса. Нелегкий факультет. Чудны дела твои...Ладно, принимается. Убедил. Давай, Петюн, вздрогнули.

Они вздрогнули. Я смотрел на Петьку, ждал. Он сказал.

- Погодь. Пять минут. Налей, Виталя.

Они выпили. Петька сидел, закрыв глаза, и катая в пальцах пробку от бутылки. Виталий осторожно взял ее и закрыл бутылку.

- Не. Не могу вспомнить. Только конспективно. Так сказать, воспоминание - пунктир...

- Ладно. Валяй пунктир.

- Короче. Мы выпивали всей толпой, и потом я с Нинкой начал зубатиться. Отчего, зачем, почему - ниче не помню, хоть убейте.

- Все?

- Да если бы. У меня такое ощущение, что я ей вмазал.

- Ну, блядь, - поднялся Виталий, - нет, с кем пить приходится, а? Мне же вечером спектакль играть, Д"Артаньяна...

- Погоди, Виталя. Видишь же, он толком не помнит. А фантазии у этого

фрукта ого-го-го.

- Да. С фантазиями все в порядке. Ну, будем надеяться, что это бред.

- Петя. Теперь все?

- Да вроде. Нет, еще стих написал. О чем - тоже без понятия. Я его на столе оставил.

- А Нинка?

- Нинуля улетучилась... Куда, когда...А я к Зикоре.

Он кивнул на Виталия. Тот улыбнулся.

"Как грозно плывет это облако!

Тогда лишь поймете мои стихи,

Когда заночуете у Зикоры"

- Японское хокку. Ладно. Разберемся. Идем.

Идем - это он мне.

Х Х Х

Нинку я нашел почти сразу же после зачета. Она вышла с лекции, и, увидев меня, сначала просияла, а потом быстро сдвинула брови.

-Девчонка, - подумал я, - девчонка. Если что, наваляю Петьке...

- Ты как?

- А ты не знаешь? Где этот ненормальный? Спрятался, трус несчастный. А то я не знаю, куда. К Виталию в берлогу забрался,да? Вот кто у меня будет следующим.

- Да, к Виталию. Слушай, Нинк, - начал я осторожно.

- Че?! Случилось че?! С Петькой?!

- Да что с твоим Петькой случится. Ты - то как?

- Ты уже спрашивал. Нормально я. Первый раз собачимся, что ли...

- И нигде ниче не болит?

- В смысле?

К нам подошел какой - то парнишка, видимо, с ее курса, и сказал.

-Нин, тебя Романцова ждет. Просила зайти.

- Поняла. Ладно, я счас к Кире, а потом вместе к Виталию. Садись, вон, на подоконник, жди.

Я сидел на подоконнике и вспоминал незнакомого поэта.

"Да будут взоры к ней устремлены;

В тот далекий, строгий час возмездья;

Когда померкнут в небесах созвездья;

И свет уйдет из солнца и луны".

Х Х Х

Нина зашла в небольшой кабинет Кире Васильевны Романцовой, замдеканши. Многие ее побаивались, но не она. Чувствовала родственную душу. Кира подала ей небольшой листок.

- Нина, объясните мне, что это вас эдак прошибло на вирши? Боюсь даже предположить.

Нина мельком взглянула, и сказала.

- Это не я написала.

- Не вы. Значит, он?

Нина пожала плечами.

- Ладно. Разберемся. Нина, вы молодая интересная женщина. Мне кажется, у вас есть будущее на нашем факультете. Диплом по орфоэпии, если над ним посидеть с полгодика, перделаем в кандидатскую. Ну на что вам этот шалопай?

- Кира Васильевна. А вы никогда по молодости не произносили "интэресная"?

- Я?! Вы меня, голубушка, за кого - то другого принимаете.

- Вот я и говорю. Орфоэпия интересная наука. По произношению можно человека узнать. Вы и правда, даже в молодости, ничего такого произнести не могли. Не та культура. Не только речи.

- Что - то я не пойму. К чему этот разговор?

- Да этот шалопай - и есть орфоэпия. По большому счету. Не по учебнику.

- Моя наука не бывает вино - водочной, - отрезала Кира, - правильное произношение...

х х х

" И вот хнычу я, Петькой битая.

Ну а как не бить, коли любит он,

Да и звать меня зитагитою,

Ну, а Петр - поэт! Он индийский слон.

х х х

Хорошо. Люблю паразитушку. Аз есмь уоу.

В парке отдыха, и под сенью крон; Отдаю себя - Рио - Ритушку. Крейзи кью.

Понимаю все. Он...
Ох, Есенин он...
Охрененный клон.

х х х

Он умней, порой, Кьеркегорушки,
И стихи его - колокольный звон.
Ну, опухли у меня мои ушеньки.
А с поэтом как? Только все на кон!"

х х х

- Мда. Насчет ушей. Это правда?
- Да ну что вы! Вы же меня вроде знаете, Кира Васильевна...
- Да я и не сомневалась.
Нина встала. Она остановилась у двери и молча посмотрела на Киру. Та сказала.
- А уши я ему все равно надеру.
- Кира Васильевна. Вы ему не уши. Вы ему кое - что другое надерите. Чтобы кобелировать перестал.
- Это как? - Заметно растерялась Кира. - Что вы городите, Нина!
- Да так. Он ведь только вас на факультете признает. Вот как.
- О, Господи. Ладно, разберемся.
Нина вышла. Кира Васильевна сидела, глядела в стенку. Фигура ее, когда-то, кстати, не так уж и давно, бывшая тонкой и звонкой, сейчас была выточена из какого - то породистого камня. Глаза, серые, начали светлеть. Так бывало всегда, когда у Киры поднималась настроение. Она достала любимого Фета и прочитала.
"Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят".